

И, увидев в глади отраженье,
 Подмигнуть: «Живём, живём, старик!»
 И услышать, словно откровенье,
 Разудалый петушинный крик.
 Но моста давно нет и в помине –
 Видно, сгнил и унесён водой;
 Затянуло омут вязкой тиной,
 Заросли тропинки лебедой.
 И никто не встретит у порога,
 Не мелькнёт в окне знакомый плат...
 Может быть, сужу себя я строго,
 Но я тоже в этом виноват.
 Нас влекли неведомые дали,
 Всё казалось ясным и простым.
 Уходя, назад не возвращались.
 А без нас здесь рушились мосты...

* * *

Хорошо с мороза
 Посидеть у печки
 И смотреть,
 Как бьётся
 Ласковый огонь.
 Зазвенит гитара –
 Спутник грусти вечный –
 Растревожит душу,
 Только струны тронь.
 И сама собою
 Песня с губ слетает,
 Замирают тени
 В сумрачных углах.
 Где-то за стеною
 Вьюга подпевает,
 Зверем одиноким
 Мечется в снегах.
 И такое чувство,
 Словно во вселенной
 Никого нет, кроме
 Вьюги и меня...
 Лишь трещат в печурке
 Жаркие поленья,
 Да на стенах пляшут
 Отблески огня.

Русь

Я Слово древнее читаю,
 И Русь встаёт передо мной.
 Там над костями вороньи стаи,
 Там в поле пахарь за сохой.
 А в диком поле половецком
 Костры воинственной орды...
 Чу! Слышу посвист молодецкий!
 О Русь, о Русь! Не спишь ли ты?
 Но на курганах взвился к тучам

Столбами дым сторожевой,
 И вот уж мерный и могучий
 Я слышу топот над землёй.
 Схлестнулись в битве две стихии,
 Копьё в копьё и меч на меч;
 Катились головы лихие,
 Чтобы потом в курганы лечь.
 И снова матери рыдают
 Над прахом павших сыновей...
 Я Слово древнее читаю,
 И Русь становится родней!

* * *

Вроде всё –
 Разошлись, разбежались...
 Столько вздорных
 Сказано слов!
 Помню,
 Губы твои дрожали,
 Помню,
 Скулы мои свело.
 Но не взгляд твой –
 Холодный, колкий –
 Мою душу
 В тот миг потряс:
 В щель двери
 Из-под детской чёлки
 Примиренье
 Смотрело на нас.

Обнова

Дочь, примерив платье новое,
 Закружилась мотыльком.
 «Ох, и девонька бедовая!» –
 Любовалась мать тайком.
 И вздохнула вдруг украдкой,
 Вспомнив давнее, своё:
 Детство было, ох, несладкое,
 А одежда – вся старьё!
 С плеч чужих пришлось донашивать,
 Переделывать сто раз,
 Штопать, шить да перекрашивать,
 Не стыдясь досужих глаз.
 Ах, война, война проклятая,
 Жизнь на нет, считай, свела!
 Вдовы слёз своих не прятали,
 Слёз тех речка утекла.
 Не желать такого б ворогу,
 Да с кого про то спросить?..
 – Мам, за платье-то не дорогого?
 – Что ты, милая, – носи.

Старики

Хорошо им сидеть на завалинке,
 Тихо осень вступает в права,
 Греют ноги подшитые валенки,
 Греют душу простые слова.
 Всё давно между ними уж сказано,
 Но течёт неторопкая речь:
 Хорошо ли малина подвязана,
 Да зимой не дымила бы печь.
 И о детях, конечно же, вспомнится:
 Больше месяца как не видать...
 Всё спешат, всё куда-то торопят,
 Про отца забывая и мать.
 И с надеждою глядя на улицу,
 Пока в окнах не вспыхнут огни,
 Будут ждать...
 Пусть надежда их сбудется!
 Ожиданьем и живы они.
 Хорошо им вдвоём на завалинке,
 Тихо осень вступает в права,

Греют ноги подшитые валенки,
 Греют душу простые слова...

* * *

Звезда край неба прочертила
 И канула за дальний плёс.
 Мне бабка в детстве говорила:
 – Вот, чью-то душу Бог унёс...
 И, сжав морщинистые губы,
 Она крестилась на луну,
 И я спросил – ещё был глупый:
 – Их много падало в войну?
 С ответом бабка не спешила,
 Поправила седую прядь:
 – Кто их считал? До звёзд ли было...
 И в дом ушла: – Ложись-ка спать.
 А небо звёздами играло,
 И я тянулся к ним с крыльца:
 Куда же та звезда упала –
 Та самая – с душой отца?